

Мы с Глебом из поколения тех московских мальчиков, которые плакали от несправедливости в ночь полуфинала ФРГ — Франция. Он обрушил у нас, десятилетних, веру в то, что хорошая игра обязательно кончается победой. Про все это Глеб и написал.

Василий Уткин

Глеб
Черкасов

Как мы не стали бандой

Интересное время

Глеб Черкасов

Как мы не стали бандой

«WebKniga»

2020

Черкасов Г. Ю.

Как мы не стали бандой / Г. Ю. Черкасов — «WebKniga»,
2020 — (Интересное время)

Что может связывать известного политтехнолога и профессионального наемника, преуспевающего финансиста и бывшего автослесаря? Они не виделись с конца восьмидесятых, судьба, будто бы забавляясь, пыталась их свести вновь и разводила в разные стороны за мгновение до встречи. Героев этой книги не хочется жалеть – они сами потеряли то, чего должно было хватить на всю жизнь. Героев этой книги можно уважать – они барахтались до последнего. Эта книга о том, как просто перестать быть друзьями и как трудно без них. Все имена вымышлены, любые совпадения случайны.

© Черкасов Г. Ю., 2020

© WebKniga, 2020

Содержание

Пролог. Программка к матчу	6
Первый тайм	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глеб Черкасов

Как мы не стали бандой

© Глеб Черкасов, 2020

© «Время», 2020

* * *

Моей маме Тамаре Кайдан за безграничную любовь и терпение

Я так живо представляю себе его темную фигуру; глубокой ночью он бредет вдоль безлюдных улиц, поглощенный одной мыслью, весь уйдя в себя. Быть может, в бледном свете привокзальных фонарей грубый дощатый забор показался ему белой стеной? А роковая дверь пробудила в нем заветные воспоминания? Да и существовала ли когда-нибудь белая стена и зеленая дверь? Право, не знаю.

Герберт Уэллс

В историческое время живем – радуйтесь.

Виктор Черномырдин

Пролог. Программка к матчу

1982 ГОД

(ФРАНЦИЯ – ФРГ, 3:3)

Июнь – июль – чемпионат мира по футболу в Испании.

В ноябре умирает генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев.

В США выходят фильмы «Рембо» и «Тутси», в СССР – «Остров сокровищ» и «Инспектор ГАИ», во Франции – «Ас из асов».

**Команда: Станислав Линькович, Антон
Маяков, Дмитрий Хубариев, Петр Кислицын.**

Посреди дачного поселка Северянка было самое настоящее футбольное поле с самыми настоящими воротами: одни прямые, а другие гнутые, спасибо пьяному водителю – штанголюбу. Никто в Северянке не помнил, как получилось, что такое поле сначала появилось, а потом было заброшено. Сеток на воротах, как и разметки, конечно, не осталось. Но никто из дачников не жаловался. Поле гордились и без усталости пользовались.

С утра мяч гоняли дети, а вечером все, кто хотел, сначала улица на улицу, а потом – разбирая адресов, по симпатиям. За мячом носилась огромная толпа в возрасте от восьми до шестидесяти лет. На воротах стояло по пять-шесть человек. Судей не было, спорные вопросы решали капитаны. Играли на интерес – проигравшая команда ставила ящик пива или вина взрослым и ящик мороженого – детям. Второе было достать иногда и труднее.

Антон Маяков, Стас Линькович, Петя Кислицын и Дима Хубариев – мальчики примерно одного возраста – всегда играли в одной команде. Когда одного из них перевели для комплекта в другую, они просто вместе ушли с поля. Пораженные детским упрямством, взрослые больше ребят не делили, с того момента и стали в Северянке играть не улица на улицу, а как придется.

Дача родителей Антона Маякова досталась им от маминого отца, который получил участок еще в шестидесятые годы и тогда же построился. Сам он наезжал в Северянку редко, жил по должности на другой, казенной. Антон млел, когда дедушку привозила черная «Волга». Он не понимал, отчего с утра, задолго до появления на улице красивого автомобиля, отец ходил хмурый, а мама на это сердилась. Один раз задал вопрос, познакомился с таким довольно редким явлением, как подзатыльник, понял, что развивать знакомство не хочет, и отложил решение задачки на потом. Так обычно Антон поступал и с домашними заданиями в школе.

Лето он любил и за их отсутствие тоже. И за то, что на даче имелась огромная – аж в три шкафа – библиотека.

Чуть ли не с шести лет Антон много, с удовольствием и без всякой системы читал. Хоть на даче, хоть дома он просто брал книгу с полки. Не нравилось – ставил обратно. Мать всполошилась, когда восьмилетнее чадо пришло с просьбой растолковать некоторые не до конца понятные места из «Похождений бравого солдата Швейка».

Попытка обратить ребенка к детской литературе провалилась: после солдата Швейка и мушкетеров лисичками и белочками его увлечь как-то не получалось. Прятать книги было бессмысленно. Однажды случился скандал. Антон любил есть за чтением и читать за едой. Родители, обнаружив пятна на страницах совсем непонятной и неинтересной книги «Ожог», пришли в неопределимую ярость.

Отругав вдоволь и ребенка, и друг друга, папа с мамой договорились с сыном, что он все-таки будет спрашивать, стоит читать эту книгу или нет. Ну и конечно, за чтением не будет есть, да и вообще есть будет поменьше, а то какой-то толстячок получается.

Антон честно ходил на плавание, на которое его записала мама, и старался летом больше времени проводить на улице. Но до появления Пети шкафы с книгами оставались его лучшими друзьями.

Новый знакомый у Антона появился, оттого что его отец, Сергей Владиленович, по меткому выражению жены Раисы Николаевны, мог удержать в руках только «рюмку, сигарету и шариковую ручку». Когда забор завалился, пришлось позвать на помощь соседа. Еще в начале семидесятых Северянка считалась номенклатурным поселком, но спивавшиеся потомки генералов и министров потихоньку делили и продавали участки тем, кто мог заплатить. Один из новых жителей, мастер с завода, оказался спасителем для хиреющего хозяйства Маяковых.

Алексей Петрович Кислицын пришел чинить забор вместе с сыном. Мать подтолкнула Антона к Пете Кислицыну и велела немного побегать, потому что опять он только и читает. Антона, оторванного от «Охотников за сокровищами» Луи Буссенара, план не порадовал, но уже через десять минут он с удовольствием играл в солдатиков с новым другом, рассказывая ему о Бородинской битве. Петр слушал разинув рот, а его отец, невольно став свидетелем дитячьей беседы, пришел в восторг: «Он в школе для проформы, только по физкультуре и пению успевает, хулиганить туда, в общем, ходит, а тут ваш Тоха прям кладезь, то расскажет, се расскажет, пусть Петька к вам или Антон к нам, соседи же».

Родители Антона не спорили, в починке нуждалось почти все, а Петя, едва достававший Антону до плеча, смотрелся симпатично.

Их дружба дала причудливый эффект: сын мастера завода тщательно запоминал все, что рассказывал его начитанный друг, а сам за книги не взялся. Зато Антон явно похудел и даже немного научился кататься на велосипеде. Его родители были счастливы.

С Димой Хубариевым они познакомились в очереди за молоком.

Петя и Антон сначала заинтересовались, а потом и отнеслись к нему с почтением в силу биографии. Он и его старший брат Максим жили с бабушкой, бабой Верой, – это казалось очень необычным. Непонятно было, куда делись родители, но факт оставался фактом.

Максим компании со сверстниками не водил и тут же стал у ребят заводилой, с ним легко отпускали в кино и на речку, как-никак почти взрослый, уже пятнадцать лет. Это в итоге и привело к происшествию, которое присоединило к компании Стаса Линьковича, а Макса после того с ними не осталось.

После печального события – набега на клубничное поле, – о котором потом не хотел вспоминать никто из его участников, Раиса Николаевна крайне неприятным голосом, обращаясь в основном к Диме, объясняла, что пока не было его с братом, все шло прилично и только они сбивают с толку хороших ребят.

Испуганный Дима готовился заплакать, но тут пришла его бабушка.

Тон разговора несколько изменился.

Виноватым был признан так и не объявившийся пока Макс. Бабушка извинилась за него и, взяв Диму за руку, пошла к себе, во флигель, который они снимали на соседней улице.

На следующий день ничего не кончилось. Когда Петя и Дима зашли за Антоном, его мама громогласно призвала сына не ввязываться в сомнительные мероприятия, которые наверняка замышляют те, чье место в колонии для несовершеннолетних. Хубариев, не выдержав обиды, повернулся и убежал.

На беду, Антон только еще собирался выйти из дома. Пока он выскакивал на веранду с возмущенным криком, Дима исчез.

Мальчики отправились на поиски. Дома его не было. Макс с чердака пытался подавать какие-то знаки. Петя с Антоном подошли поближе и узнали, что вечером, когда тот пытался пробраться домой, бабушка его поймала, заставила снять штаны и трусы, выдала женскую ночную рубашку и велела сидеть дома. Всю прочую одежду она заперла. Макс просил найти ему хоть какие-то штаны.

Антон и Петя, не говоря ни слова, двинули дальше.

У каждого уважающего себя мальчика, живущего на даче, обязательно была пара-тройка мест, где он мог спрятаться. Петя с Антоном обошли все известные нычки, но Димы не было. Не обнаружился он и на речке. Искупались они мрачно, без всякого удовольствия.

– Я не вернусь, пока мы его не найдем, – решительно сказал Антон. – Это очень неправильно, что моя мама...

Петя согласно кивнул головой.

...Дима, получив выволочку, кинулся домой. Но, уже подходя к родному флигелю, услышал, как бабушка снова ругалась с Максом. В последний год это происходило регулярно. Макс кричал про какие-то деньги, которые бабушка зажимает, и что он скоро вырастет и спросит за все.

Дима свернул к основному дому, но там стоял хозяйский сын Стас. Разговаривать с ним не хотелось.

Хозяева всячески привечали братьев, но Дима чувствовал себя неловко. Особенно на воскресных обедах с несколькими переменами блюд. Они как-то неприятно контрастировали с достаточно однообразной и практически ежедневной бабушкиной кашей. Больше Диме нравилось, когда хозяин дачи жарил картошку с сосисками – это подходило куда лучше. Хотя сам Стас от них и воротил нос.

Отец у него вообще был прикольный. Все поселковые мальчишки хотя бы несколько раз тайком с утра пробирались к саду Линьковичей. Иван Георгиевич сначала делал какую-то причудливую зарядку, а потом начинал бить руками и ногами по двум боксерским грушам, привязанным к деревьям. Потом выходили Стас и его мама Альбина Несторовна – их зарядка интересовала мальчишек значительно меньше.

Подружиться со Стасом у Димы не получилось, потому что хозяйский сын задавался. А однажды и вовсе пошутил насчет того, что Дима ходит в Максовых обносках. В тот же день в очереди за молоком и хлебом, что привозили в палатку рядом с футбольным полем каждое утро, он разговорился с Петей, а тот уже познакомил его с Антоном.

Вот это случились друзья так друзья – осознание того, что их больше нет и не будет, приводило Диму в отчаяние.

...Стас не любил дачу, потому что скучно. Раньше летом они ездили на море в санаторий. Там было здорово и даже какая-то компания сложилась. Но в этом году отец сказал, что мест нет – «поветеранистей ветераны нашлись». Пришлось тащиться на дачу.

Дел особых не было. Дима, с которым велели дружить, оказался глуповатым занудой. Стас даже поразился, когда мальчик из флигеля связался с «пузырем» из дачи на другой улице и его дружкой. «Пузырь» – кажется, его звали Антон – как-то с родителями приходил в Москве в гости.

Но вместо того чтобы пособирать вместе конструктор, «пузырь» прочно схватился за какую-то книгу. Стас тоже был не против иногда почитать, но не в тех же случаях, когда приходят гости!..

Но вчера вечером и сегодня утром явно происходили какие-то забавные события. Выяснить это можно было только у Димы, а значит, придется с ним поговорить.

...Ребята без всякого толку ходили по поселку четыре часа. Антон раздражался, потому что хотел есть. Он злился на мать – чего сразу ругаться, на Диму – мог бы и потерпеть ругань две минуты, на Петю – явно не хочет есть, зато бодр и весел, на Макса – сам бы и таскал эту клубнику, на самодовольного Стаса, у родителей которого Хубариёвы снимали флигель и который куда-то тащит три бутерброда с колбасой...

Антон даже притормозил. Вид еды всегда вдохновлял его, но сейчас, когда был пропущен завтрак, а перспектив на обед не просматривалось, голова заработала на все сто. Дима

и Макс жили на даче у Стаса, логично было, что хозяйский сын что-то пронюхал. Антон жарко зашептал на ухо Пете план действий.

Они разделились. Антон стал медленно прогуливаться, не теряя из вида Стаса, а более приспособленный к пряткам Петя крался в кустах почти по его пятам. Тот оглядывался несколько раз, но не замечал ничего опаснее тупящего Антона.

Вскоре, обогнув забор дома, в котором в этом году, кажется, никто не жил, Петя и Антон увидели, как Стас угощает бутербродами Диму. У каждого мальчика были свои укромные места. Димины они обследовали, а вот Стасовых – не знали.

Антон решительно выступил из-за кустов, Петя шел за ним, готовый к бою в любой момент. Он уже дрался со Стасом и, в отличие от обычных случаев, не победил. Оно и немудрено, отец наверняка научил его всяким премудростям. Петя был одним из самых внимательных наблюдателей за тренировками Линьковича-старшего.

Дима, увидев друзей, улыбнулся, но потом снова насунился. Стас смотрел больше на Петю, поэтому Антон пошел сразу к Диме.

– Димка, ты извини, моя мама глупая, – начал было Маяков.

– Не смей так про мать, – резко оборвал его Дима и заплакал.

Петя со Стасом, уже начавшие стучаться плечами, оглянулись и решили отложить бой.

Димины мать умерла при родах младшего сына, отец вскоре уехал на какую-то войну и не вернулся. Их взяла к себе жить тетка матери, баба Вера. Как только Дима подрос и стал что-то понимать, старший брат стал изо дня в день рассказывать, что родителей у них нет из-за младшего, старший его не бросит, но его надо слушаться во всем. Дима, сколько себя помнил, считал себя виноватым перед братом.

Макс не слишком злоупотреблял своей властью, но пользовался. А взамен немного рассказывал про родителей, которых застал в зрелом возрасте пяти лет от роду. Было очевидно, что история с клубникой не первая беда, в которую старший брат травил младшего.

Но и бабушка была очень родной.

– Ну и что, ты теперь до старости виноватиться будешь? – спросил Стас.

Дима молчал.

– Ты домой-то собираешься? – неожиданно спросил Антона отец. Он внимательно смотрел на него через забор и почему-то улыбался. – Вас все ищут.

– Я не пойду, – решительно сказал мальчик, – без друзей я не пойду никуда, а мама больше не должна так говорить про Диму.

Маяков-старший удивленно хмыкнул и закурил:

– Рассказывай, что там и как.

Рассказывали в итоге все вчетвером, перебивая друг друга. Стас и Петя готовы были даже подраться, потому что, описывая слезку, Петя пару раз помянул «хлопанье ушами». Стас с этим совершенно не был согласен.

Сергей Владиленович внимательно слушал, потом взял слово, что они не разбегутся, и ушел.

Антон так и не понял, почему его мать извинилась перед Димой и попросила не держать зла. Наверное, этого не понял никто.

Скандал оказался мелочью на фоне начавшегося чемпионата мира по футболу, который, как важно доложил всем Стас со слов отца, впервые показывали целиком. Матчей было много, на любой вкус. Все крыли матом поганого судью Кастильо, засудившего сборную СССР в матче против Бразилии, сочувствовали чехам, которые почему-то сыграли плохо, ругались на немцев и австрийцев, с помощью явно договорного матча подло вытуривших с чемпионата отличный Алжир, жалели Камерун, который был не хуже других.

Матчи сборной СССР смотрели напряженно, но к концу ее игр – несколько недоуменно. До турнира считалось, что наши не хуже, а лучше других. В итоге получалось кисло. Споры о том, правильно ли из команды убрали игроков «Спартака», заменив «киевлянами», и что бы случилось, кабы до Испании добрались Давид Кипиани и погибший Дараселия, шли до нулевой ничьей с Польшей, отправившей СССР домой.

С некоторой неприязнью дачники Северянки отнеслись к тому, как итальянцы косто-ломно вынесли с турнира Аргентину и Бразилию.

И почти все болели за Францию. Жиресс, Тигана, Женгини, Аморос, Рошто и, конечно же, Мишель Платини – мушкетеры, изящные и убийственно опасные, как будто сошли в телевизор со страниц Дюма (Антон пересказал содержание книги своим друзьям и даже пообещал Диме дать ее почитать).

Они шли по турниру играючи, даже несмотря на стартовое поражение от Англии. И уж после наказания подлой Австрии свои розги должны были получить в полуфинале и немцы.

Утром после матча ФРГ – Франция поселок будто вымер.

Около продуктовой палатки, рядом с полем, не было даже любителей утреннего портвейна.

Первым на поле пришел Стас, принес мяч и сел на него. Потом появился Дима, что-то бормоча себе под нос и гневно размахивая травинкой. Петя и Антон брели вместе – по дороге Петя что-то рьяно доказывал товарищу.

– Навалять они должны были этому Шумахеру, он их товарища искалечил. Прямо там и надо было набить морду.

– Тебе бы только морду бить, – грустно сказал Антон, – но вот я согласен со всем.

Стас покачал головой:

– Да брось ты, удалили бы француза, и всё тут.

Мальчики, за две недели до того поверившие в то, что несправедливость можно победить, вдруг узнали, что есть что-то, что нельзя просто так взять и одолеть.

Их родителям тоже было худо.

Отец Антона после последнего пенальти с размаху кинул с веранды старый стул в кусты и только через пять минут пошел забирать его.

– Я плакал полночи, – сказал неожиданно Дима.

Мальчики удивились. Димино спокойствие ставили им в пример, и даже Раиса Николаевна, все равно немного косившаяся на него, часто говорила, что у Хубариева надо учиться хладнокровию всем и прежде всего ее сыну.

– Это нечестно очень было, французы же лучше, а немцы просто везучие, – сказал Дима.

Петя хвалился тем, что никогда не хнычет, потому что отец запретил. Но на самом деле он тоже плакал, и отец его не ругал, а, наоборот, гладил по голове и приговаривал:

– Ничего, сынок, мы с ними за все посчитаемся, за дядьев моих, пацанов нецелованных, в землю легших, за войну, за все, за машины их поганые.

У Стаса тоже глаза были на мокром месте. Удержался он потому, что отец, Иван Георгиевич, после последнего пенальти потер виски и сказал жене:

– Всё так же, как и восемь лет назад, с Голландией, только даже теперь до финала не дошли, как-то не на тех я опять поставил.

Стас пересказал эти слова, и они почему-то всех успокоили.

Через несколько минут мальчики уже смеялись. Потом Стас добавил:

– А гости у нас говорили, что чемпионат мира будет в СССР в 1990 году.

– Вот тогда вместе и сходим на футбол, – решительно подвел итог Антон.

Жизнь налаживалась. Пора было на речку.

КОМАНДЫ ВЫХОДЯТ НА ПОЛЕ

2014 ГОД

На Украине свергают президента Виктора Януковича.

Россия присоединяет Крым. США и ЕС объявляют против России санкции. Весной начинаются волнения на юго-востоке Украины, к лету они выливаются в полномасштабные боевые действия вооруженных формирований самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик и негласно поддерживающей их России против украинской армии и добровольческих батальонов. Апогея боевые действия достигают в августе – сентябре после чего было заключено перемирие, известное как «Минск-1».

В Сочи в феврале прошла зимняя Олимпиада, в медальном зачете Россия заняла первое место.

В июне состоялся чемпионат мира по футболу в Бразилии. Россия выступила неудачно, а чемпионом мира стала Германия, разгромившая по дороге хозяев чемпионата со счетом 7:1.

Выходят фильмы: «Нимфоманка», «Хоббит: битва пяти воинств», «Волк с Уолл-стрит», «Отель “Гранд Будапешт”».

Станислав Линькович, Петр Кислицын, Антон Маяков, Дмитрий Хубариев

Совет Федерации дает согласие на использование российских войск на Украине.

Станислав Линькович

(1 МАРТА)

«Все, во что ты навеки влюблен, – нож истошно рубил сложенные вместе огурцы и сельдерей, – уничтожит разом, – нож смахнул нарубленное в блендер, – тыщеглазый убийца дракон, – рука включила блендер, – должен быть намешан он, соус, и разом».

«Арию» Стас никогда не любил, но эта песня отлично подходила к кулинарным штудиям. Готовить еду он начал совсем недавно.

В середине 2013-го, передав дела и большую часть счетов под управление облеченного высшим доверием мажора, Линькович решил немного отдохнуть.

Сначала он завалился с большой компанией на крайне живописный и приспособленный для отдыха островок на Карибах.

Отдых оплачивал бывший работодатель. Стас понимал, что немалая часть веселых девчонок и задорных ребят – люди, которые должны следить, чтобы он не взбрыкнул и не пустился в бег. Отставной финансист вел себя как паинька: прилежно веселился, опробовал почти всех приставленных к нему «Мата Хари», вежливо, но решительно отклонил предложение модельно смазливого юноши открыть новые сексуальные горизонты.

Через неделю Линькович улетел к Карине и дочкам, отдохавшим в семейном пансионате на Ямайке.

В течение первого, наверное, за всю жизнь полноценного отпуска Стас понял, что долго веселиться и бухать ему неинтересно, а семьи у него совершенно точно что нет. Дважды он промерял дорогу до Бостона и один раз, крепко выпив, заказал билет. Протрезвев, отменил.

Вернувшись в Москву, Линькович оценил надвигающуюся пустоту и приготовился тратить деньги (вот о чем можно было не думать) на психоаналитиков. Депрессия и кризис среднего возраста ждали его с распростертыми объятиями.

Но тут случился мамин день рождения.

Стас съездил на кладбище, положил цветы. Позвонил, как это привык делать много лет, паре оставшихся в живых маминых подруг, поговорил о том о сем. Доставил пакет с картошкой, сосисками и всякой мелочью на родительскую квартиру: традиция предписывала выпить сто грамм под традиционное блюдо с семейного стола. Начав чистить и резать, Стас вдруг вспомнил, как мама, когда он был маленьким, иногда добавляла для него в жареную картошку немного молока. Сбегать в магазин было недолго, там он увлекся покупками. Через полтора часа неожиданно для себя Стас сидел за праздничным столом с несколькими блюдами. И получилось хорошо.

Жареная картошка с сосисками – любимое блюдо семьи Линьковичей – была палочкой-выручалочкой.

Нарезка, смешивание и жарка стали для Стаса хобби и психотерапией в одном флаконе. Сочетание вкусов и запахов, радость от дразнящего аромата в, казалось бы, банальном соусе приносили не меньше радости, чем очередной миллион долларов семь лет назад.

Линькович стал зазывать гостей, кормил их вкусной едой, щедро наливал и изо всех сил поддерживал беседы на самые разные темы. Желательно не о бизнесе, а если и о бизнесе, то не о конкретных делах.

Стас понимал, что сила, вышвырнувшая его из большой игры, внимательно следит за поведением своего бывшего финансового спецназовца.

А он вел себя не хуже и не лучше овоща, ждущего термообработку. Вице-президент средней руки банка вел жизнь спокойную и размеренную, как и полагается человеку, нажившему состояние без особых жертв и прошедшему развод без ощутимых потерь. Работа, немного светской жизни, пара необременительных романов.

Линькович и сам не понимал, прячется он или смирился. Стоило принять поджопник, чтобы всерьез задуматься о действительной важности цели.

Смог бы вот он, например, спокойно и без суеты посидеть с прилетевшим из Израиля Костей?

Нет, они, конечно бы, увиделись и выпили. Но мелкой рысью, на скорую руку.

Однажды Костя просидел в комнате отдыха при кабинете господина Линьковича почти пять часов. За это время он успел выпить полбутылки коньяку, заснуть, проспать. Поговорить и чуть накатить им удалось по дороге в аэропорт, на заднем сиденье машины Стаса: ему надо было срочно в Сингапур (в тот раз Линькович искренне пожалел, что нет своего самолета, в воздухе бы и пообщались вволю).

Теперь Стас по дороге домой успел заскочить на рынок. Костю при входе встречала рюмка и кусок свежайшего батона с икрой от проверенного продавца.

Однако к угощениям гость был холоден. Наскоро выпив, он впился глазом и пальцем в айпад.

– Опять кто-то не прав в интернете? – вежливо поинтересовался Стас, раскладывая салаты по тарелкам.

– Да хохлы всё из-за Крыма бузят, типа войска там наши, а какие там войска, самооборона, ну и...

– Так, ладно, родину спасешь чуть позже, а пока давай так посидим.

Стас ловко выхватил айпад из рук Кости и положил его на самый высокий шкаф. Израильтянин с тоской посмотрел на плененный гаджет, но с Линьковичем спорить было бессмысленно.

Несколько лет назад Стас на спор простоял на руках минут десять и явно с тех пор слабей не стал.

Взялись есть.

– Я тут у тебя ни разу не был, а ту большую хату куда дел?

– Продал, мне хоромы больше ни к чему.

– Хорошо продал?

– Да-а-а, считай на пике, через месяц все к плитусу двинулось.

– Кто купил?

– Смешной чувак, мент из региона, лет на десять нас моложе, папа генерал пристроил к кранику, тот и посасывает баблишко, пытался пошугать меня, нежно так, ну пришлось обозначиться, на этот случай защита у меня есть.

– Та же?

– Да, так слушай, маленький мент как понял, что деньги придется платить, спесь сбросил, и даже мы с ним, что называется, на полях сделки повыпивали немного. Жаловался он на Путина и путинские порядки.

– Че так?

– Недоволен тем, что не имеет возможности купить и, главное, оформить на себя личный «фалькон», чтобы летать по своим делам по федеральному округу, где служит. Деньги есть, но ему по статусу не положено, вот и ругался.

– Волшебный совсем, ну просто в край волшебный.

– Во-о-от, и квартиру, жаловался, на родного дядю-пропойцу, выбитого из органов, приходится записывать. В общем, не дает соколу родная власть как следует взлететь, крылья подрезает.

Костя возмущенно выпил и с тоской посмотрел в сторону беспрестанно и горестно пицавшего – наверное, от небывалого одиночества – айпада.

– Да что у тебя там, девчонки, что ли, страдают-тоскуют, так зови сюда.

Костя покачал головой и взмахнул руками. Стас подумал, что за израильские годы его друг по части эмоций, интонаций и жестикуляции отлично ассимилировался на новой родине.

– Представляешь, я нашел троюродного брата, никогда раньше не видел, а тут списались по фейсбуку! Круть ведь?

Стас в знак одобрения положил Косте новый кусочек мяса, но еда стала для гостя совсем неактуальной.

– Нашлись, списались, то да се, я, когда собирался в Америку, думал к нему заехать, он в Филадельфии, врачом работает, практика нормальная, но тут майдан начался...

Линькович состроил понимающее лицо и приготовился слушать не слушая. Его достали и майдан с Украиной, и Крым, и все с этим связанное, а больше того – обсуждающие эти темы. Бесконечная болтовня о «революции достоинства», «прыгающих болванчиках», «мудаке Януковиче», «мудаке Кличко», «российской обязанности вмешаться в украинские дела или отойти в сторону» сначала забавляла, потом злила, наконец стала просто невыносима.

Во времена оные у корпорации были дела с хохлами, и Стас очень хорошо знал, как оно договариваться с этим гуляйполем без границ. В самом начале ему хотелось верить, что это только краткосрочная буза, но чем дальше, тем больше тошнило от перспектив. А когда три дня назад в Крыму появились «вежливые люди», Линьковичу стало совсем не по себе.

Некоторую радость доставляло то, что мажор за несколько месяцев до начала майдана серьезно полез на Украину с деньгами корпорации наперевес. Дело выглядело на тот момент верным, «младший брат» уверенно валился в объятия «старшего». Мажор неплохо знал людей и из окружения Януковича-старшего, и, главное, кого-то из его сыновей. Однако теперь часть контрагентов, с которыми начала вести дела корпорация, спешно сдернула в Россию. Вложения явно подвисли, и это создавало некоторые возможности...

От размышлений Стаса оторвал совсем уж возмущенный крик Кости:

– Я ему пишу, что нашего прапрадеда петлюровцы расстреляли и двух сыновей его тоже, а он мне про имперские амбиции, рехнулись они там в Америке своей, подсыпают что-то в бигмаки, наверное. Кстати, как там Карина?

– Наконец про существенное спросил – все в порядке, мы в разводе, с дочками могу видаться, когда хочу, деньги у нее и на образование детей есть, учится играть на арфе, обещал прилететь на первый же концерт.

– Ишь ты, арфа, давно увлеклась?

– Она скорее преподавательницей увлеклась, симпатичная такая негритянка.

Костя с изумленным возмущением посмотрел на Стаса.

– Ну жена, конечно, бывшая, но дети-то там твои, а ты так спокоен?!

Стас недоуменно разгрыз огурчик.

– Такое впечатление, что ты не из Хайфы, а из Нижнего Тагила. Что с детьми может плохого случиться?

Костя протестующе выпил рюмку.

Возникшее было напряжение смягчил разговор о только что закончившейся Олимпиаде. Костя не добрался до Сочи, потому что дорого, а Стасу просто не захотелось. Но результатам оба порадовались. Линькович, никогда не любивший индивидуальные виды спорта, неожиданно для себя страшно восхищался лыжной гонкой, а Костя, оказывается, всегда следил за фигуристками и очень хвалил Юлию Липницкую. Ради справедливости хором отругали российских хоккеистов, которые снова обосрались, будто бы футболисты какие-то.

Поболтав еще полчаса о всякой всячине, решили лечь спать, а с утра и по бизнесу поговорить.

Стас думал об увеличении инвестиций в онлайн-магазин Кости, но были кое-какие вопросы рабочего порядка.

Уходя с кухни, хозяин достал со шкафа айпад, строго указав гостю сидеть в сети не больше получаса.

Утром Линькович нашел Костю там, где оставил. Слегка отведенная вечером литровая бутылка водки почти опустела, закуски гость подъял, чему хозяин был несказанно рад.

А вот то, что вся кухня пропахла табаком, радости не вызывало, Стас разрешил выкурить сигаретку перед сном, а не высадить, судя по дыму, полторы пачки.

Красные глаза и стоявший на зарядке айпад не вызывали сомнений в том, как израильтянин провел эту ночь.

– Он меня забанил, – грустно сказал Костя, – просто взял и забанил.

– Кто?!

– Брат троюродный, я ж говорил, мы еще повидаться хотели, мы полночи спорили, а потом фигак – и нет ничего, в бан меня отправил.

– Ты ему письмо напиши и по старинке по электронной почте отправь, прям как дети.

– Уже пробовал – он написал, что читать не будет и ничего знать про меня не хочет. – Костя налил себе утреннюю рюмку и с горечью спросил воздух: – Чем их там зомбируют, дураки какие-то.

Стас дал ему выпить, потом велел умыться и поспать. Принял душ и, заедая утренний кофе вчерашним салатом, открыл ноутбук и начал прикидывать схему по переводу части денег из рублей в доллары и евро. Судя по всему, страна собиралась воевать, а это никогда не шло на пользу национальной валюте.

Через несколько часов он случайно залез в NEWSru.com и прочел, что внеочередное заседание Совета Федерации предоставило Владимиру Путину право пользоваться войсками за пределами России. Это окончательно убедило Линьковича, что деньги надо держать подальше от родины.

Когда Костя проснулся, Стас тут же согласился купить половину его бизнеса. Восхищенный израильтянин предложил немедленно sprysnutь сделку. И уговорил Стаса поехать на дискотеку в клуб «Петрович». Линькович напрасно убеждал, что теперь это далеко не самое модное место в Москве и многие посетительницы состарились вместе со столами и стульями.

Но Костя во многом жил воспоминаниями о временах двенадцатилетней давности, а тогда «Петрович» производил впечатление.

Народу, как и в былые времена, было много, но для старых, хоть и с трудом идентифицированных гостей столик нашелся. Заказали выпивку и слегка закусить. Костя перемигивался с соседним «перспективным» столиком, три женщины пили красное вино и явно были готовы поплясать с продолжением. Хотя в целом настроение у многих присутствующих было явно не танцевальным. Как и много лет назад, в «Петровиче» собиралась либеральная и теперь очень недовольная происходящим в стране публика.

Стас искренне надеялся, что Костя будет заниматься телками, а не политическими дискуссиями на актуальные темы. Судя по боевому задору израильянина, это могло кончиться хреновато. Внезапно Линькович понял, что за соседним столом сидит Косиевский. Они не виделись лет десять, и, видимо, у Константина Николаевича так и осталась плохая память на лица. Стаса он явно не узнал, хоть и кивнул, как полагается вроде как знакомому. С ним за столиком был еще какой-то схожего возраста мужчина. Линькович откуда-то знал его, но понять откуда и как было совсем невозможно при привычном для «Петровича» сумраке.

Тут заиграла скрипка Сергея Рыженко, и между столиками замаячили первые танцоры.

Костя тем временем пересел за соседний «перспективный» столик и подавал знаки Стасу, мол, давай к нам.

Линькович не хотел. Дамы выглядели недурно разве что при подвальном полумраке, да и просто с настроением отчего-то произошел тотальный швах. За потенциальное веселье Кости можно было порадоваться и вдвойне, если бы дамы забрали его с собой: принимать этих гостей ему не хотелось. Линькович закурил и снова посмотрел в сторону Косиевского. Тут скрипка затихла, но мужчины, кажется, этого не поняли и по инерции продолжали ее перекрикивать.

– Все же ты очень сильно рисковал, зачем, неужели нельзя списаться, созвониться, – раздосадованно плескал словами Косиевский.

– Не все может быть по телефону, а тут и повод: куча народу из Москвы к хохлам, куча – в обратную сторону, вот и спокойно, – человек широко улыбнулся. – Ну что, посчитаемся и пойдем в другое место, тут ща бордель начнется.

Косиевский махнул рукой официанту и разлил остатки хреновухи из графина:

– Ну раз стоило, так стоило, но все равно это опасно, очень опасно.

Тут его собеседник наклонился через столик и начал что-то оживленно, но за пределами тихо говорить. Стас потерял интерес и начал осматриваться, вдруг будут еще какие-то знакомые. Никого не было, разве что вон тот оплывший козел, с молодой девкой, вроде раньше был при большом торговом доме.

– Вот такой бурелом с колеей, – прозвучало прямо над ухом. Это сказал собеседник Косиевского.

Они уже шли мимо Линьковича, именно поэтому он и услышал то, что, думалось, не услышит никогда.

Стас пришел в себя через полминуты, а потом кинулся за Косиевским и его спутником, сам даже не зная, что спросить первым делом.

Мы себе давали слово,
не сходить с пути прямого, –

заревел Александр Кутиков из всех колонок. Пять метров между Линьковичем и теми, кого он догонял, заполнились непроходимо пляшущей толпой. Стас не сдавался, стряхнул с себя какую-то толстуху, призывно – как ей казалось – изгибавшуюся в том, что она считала танцем.

Но так уж суждено, –

выл Александр Кутиков, – в эти секунды Стас его ненавидел.

К выходу он пробился только через три минуты. Косиевского и его спутника уже нигде не было. Оставалось только злобно закурить.

Петр Кислицын

(22 ИЮНЯ, РОССИЯ – БЕЛЬГИЯ, 0:1)

– Ну какого же!.. – завопил приличного вида господин, обращаясь и к заведению, и к трем симпатичным девушкам за своим столиком, – ну ведь пять минут оставалось дотерпеть.

Соседние столики поддержали крик дружным гневным гулом. Сборная России снова жидко обсиралась.

– Негр сраный! – донеслось от стойки, возглас относился к бельгийцу, вбившему гол в ворота Игоря Акинфеева.

– Опять сброд привезли вместо сборной, надо вежливых людей посылать, – громко сказал приличного вида господин и гордо оглянулся вокруг, рассчитывая на высокую оценку стремительного остроумия.

Девушки за столиком прилежно захихикали. Они явно не понимали, что происходит на поле, но им нравилось находиться в гуще событий и чувствовать себя настоящими патриотками. Их личики были прилежно раскрашены в цвета российского флага.

Через два столика раздался смех, потом громкий голос обозначил новый поворот беседы:

– Слава Украине!

Здоровый накачанный парень обвел глазами бар, который только-только приготовился поверить в небывалое чудо – сборную России, которая отыграет гол на последних минутах. Его столик дружно откликнулся:

– Героям слава.

От стойки отлепился невысокий мужичок.

– Кому там сала?

– Дядя, сиди на месте, соси пиво, не гавкай, – презрительно посоветовал ему парень, едва глянув вниз на неожиданный источник звука, – а то на лысину плюну.

О дальнейшем очевидцы вразили по-разному.

Кто-то говорил, что невысокий мужичок каким-то странным шагом приблизился к большому парню, наступил ему на подъем стопы и под крик боли ударил под дых так, что тот лег и больше не вставал. Другой очевидец утверждал, что было все так, но не сразу, а сначала, ускользнув от замаха, мужчина приблизился к столу, за которым славили Украину, ударил носком под коленную чашечку одного из друзей качка и тут же двинул ему в челюсть. А уже потом вернулся к первому герою. Еще один запомнил только рухнувший стол, двух корчащихся от боли людей и крик третьего: «Мы же пошутили, мы за Россию, мы за Новороссию!» Патриотический крик избавил его от лишних побоев. Так, пощечина. А то, что упал со стула, так это сам. Никто не неволил.

Мужичок хотел обратно к стойке, к кружке, но тут его при поддержке двух охранников атаковал господин приличного вида.

– Ты что себе позволяешь, подонок!

– Знал бы, сколько я этих «героямсала» мордой в землю положил, ты б повежливей... – мужичок оценил и охранников, и качка, который в жажде реванша пытался очухаться.

– Ща у тебя морды не будет, – решительно сказал приличного вида господин.

Но тут в углу, судя по крикам, два столика решили выяснить, кто больше виноват в провале: игроки «Спартака» или ЦСКА. Охранники на секунду отвлеклись.

Сидевшая у стойки девушка, выхватив из кармана пятитысячную, кинула ее бармену со словами «сдачи не надо» и потащила невысокого мужичка за собой.

Резвый охранник у входа попытался заякорить парочку:

– Говнюк, ты чего-то рано домой собрался, еще потрепать надо.

– Тебя к телефону, – ответ совпал с движением и... хруст сломанной руки вместе с воплем услышал весь зал, увлеченно дравшийся в честь финального свистка.

– Быстрее давай, сейчас такой адок начнется, – девушка тянула за руку мужичка.

– Я там первым Люцифером буду, – хмыкнул он на бегу.

Девчонка повернула за угол, выдергивая из сумки брелок, открыла машину, махнула рукой:

– Садись, не зевай.

Через десять минут припарковались около длинного здания. Закурили.

– Дарья.

Мужичок сделал вид, что шелкнул каблуками:

– Петр.

– Вы, Петр, несколько минут назад избили хозяина известного в Москве паба, его сына и его друзей, которые тоже дети очень и очень почтенных господ.

– Одного, и не бил, – поправил Петя. – Он насрал прям в носки в первую же секунду. А что папа за сыном не смотрит?

Даша захохотала:

– Они патриоты больше некуда, просто так дурака валяют, ну и провоцируют, конечно, – чего б в папином баре не повеселиться, если что, охрана бы помогла.

Петя закурил.

– Ты их знаешь, вижу, так чего вписалась, еще найдут, будут голову морочить.

Даша продолжала смеяться:

– Так понравилось твое бдыщ-бдыщ, что не смогла устоять. К тому же романтики...

– ...полные штаны, – не удержался Петя.

– И это тоже. Ты поесть не хочешь?

Через двадцать минут они ели шаурму из ларька, который Дарья отрекомендовала как лучший в этом районе. Шаурма была и правда отменной. А девушка еще лучше. Она кого-то напоминала Пете, но он не мог понять кого. Черные чуть кудрявые волосы, широкие щеки, взгляд немного ироничный, фигура, с одной стороны, плотная, но зато идет, как балерина, а выше... Даша поймала взгляд бойца ровно на своих сиськах и улыбнулась с ответным интересом.

Еще через полчаса Петя, уже и забывший, что в Москве после 23:00 алкоголь не продают, успешно купил в магазине пакет, в который завернул две бутылки шампанского.

Гостиница была недалеко от вокзала. Номер Петр снял на себя. Когда портье возвращал паспорт, Даша перехватила его:

– Ну что, Петр Ильич Букреев, будем окончательно знакомы, о, да вы не женаты!..

Петр Ильич Букреев действительно был не женат. Его и не существовало.

Настоящий паспорт Петр Кислицын перед отъездом «на шабашки» оставлял дома. Все было как в молодости. И благодаря давнему дельному совету во всех поддельных документах фигурировал под настоящим именем.

Ближе к утру Даша спросила:

– Ты правда с войны? А давно?

Чтобы сбить тему, он спросил:

– Ты любишь мужиков старше тебя?

Девушка поняла все правильно.

– Нет, обычно я не трахаюсь с первым встречным, ты исключение, просто молодым мальчикам обычно не хватает настоящего тестостерона, вот когда меня на Болотной от ментов отбивали...

– Чего ты делала на Болотной?

– Власть свергала, так вот меня уже почти затащили в ментовскую машину, но какие-то дядьки вступились и один из них портфелем омововцу по голове хлопнул, с ним бы я замутила, хотя он совсем неприглядный был, не то что ты. – Девушка с уважением пощупала его мускул. – Так ты правда был на войне?

Что отвечать, Петя не понимал. Честно – было невозможно. Врать не хотелось. Воевал он последние двадцать четыре года, пусть и разными способами. Последние полтора года был сначала в Сирии, а потом на Украине. Последняя командировка обещала быть долгой.

Кислицын приехал в Москву отдать семье заработанные деньги, передохнуть пару дней и снова махнуть в сторону Донецка. Там уже разгоралась полноценная веселуха. Выглядело это не совсем так, как грезились романтическим московским девушкам. Но идеологически Петя был полностью согласен с тем, что делал, и с удовольствием стрелял за правильную сторону.

Рассказывать об этом было нельзя. Петя вместо этого открыл вторую бутылку шампанского и случайно пролил на себя чуть-чуть, а Даша тут же начала языковую уборку.

Стало не до вопросов и ответов.

Утром Петя не стал врать и сказал, что сегодня же выезжает в Ростов. Дальнейший маршрут был понятен.

Девушка улыбнулась:

– Объявись, как вернешься.

Петя кивнул головой, а потом как-то неожиданно для себя признался:

– У меня другая фамилия, и я женат.

– Не посягаю, – серьезно сказала Даша. – Так объявись, как вернешься, а то где еще одного такого взять-то.

– Ой да ладно, небось, парней полно, – хмыкнул Петр.

– Ничего-то ты не знаешь, Джон Сноу, – произнесла Даша совершенно загадочные для Кислицына слова и пошла к своей машине.

Почему-то Петя помнил, что с утра она собиралась к бабушке.

Антон Маяков (5 СЕНТЯБРЯ)

Подписано соглашение «Минск-1».

У Антона непроизвольно вздрагивала рука, когда ему звонила мать. В последние годы приятного разговора по определению ждать не приходилось. Пронзительные нотации о том, что «страна впала в маразм» и «каждый честный человек обязан возвысить голос», сменялись обсуждением персонального дела А. Маякова. Со всей возможной жесткостью секретаря институтской комсомольской организации образца 1963 года.

Выкинутый из Администрации президента, Антон, вопреки ожиданиям Раисы Николаевны, не пополнил ряды оппозиции. Он все так же болтался рядом со Старой площадью, но уже на малозначительных ролях. Антон предполагал, что мать смущает именно последнее обстоятельство. Если бы он оставался среди первых, то это хотя бы тешило материнское самолюбие. Но быть ничтожеством при негодях...

Звонок повторился. Надо было все-таки взять трубку, натренированно крикнуть: «Не могу сейчас говорить» (вот в эту секунду это было бы правдой), – и подготовить себя к более продолжительному разговору. Он вышел из приемной в коридор и махнул по экрану пальцем.

– Антон, – голос Раисы Николаевны звучал непривычно тускло, без привычного металла, – мне что-то совсем скверно, я упала, но смогла добраться до кресла, ты бы приехал.

– Да, мама, сейчас, продержись двадцать минут, я сейчас, мамочка, ты продержись...

Его неуверенное бормотание мать как-то взбодрило.

– Не хнычь, а приезжай побыстрей, – в по-прежнему тусклом голосе проявились привычные и неожиданно успокоительные для сына нотки.

Маяков забежал в приемную, оттуда в кабинет – участники совещания как раз тянулись в него, известил большого начальника: «Мать заболела, я отвезу в больницу и вернусь». Секретарь и пара чиновников сочувственно кивнули, еще один глянул с завистью, совещание обещало быть долгим и бестолковым. Выскочил на улицу, махнул рукой первому же такси.

«Пригодилась бы теперь персональная машина, ох пригодилась бы», – подумал Антон, залезая в теснящий «форд-фокус».

Но теперь-то откуда?

Маякова отодвинули от по-настоящему важных решений и густых финансовых потоков, но голодать не приходилось. От отца осталось издательство с мощным контрактом на учебники. Были и другие заказы. Антон просто не знал, как устроить себе постоянного водителя. Такими вопросами всегда занимался Крипун. Но теперь он сидел на высокой-высокой веточке и болтал ногами.

За прошедшие два года им так и не удалось пообщаться с глазу на глаз. Когда получалось назначить встречу, «чтобы наконец переговорить», Толя либо «случайно» приходил не один, либо рядом так же «случайно» появлялся какой-то общий знакомый. Но чаще встреча срывалась на этапе созвона.

Антон испытывал даже какой-то азарт, видя, как очень влиятельный человек, вхожий в совсем высокие кабинеты, бегаёт от него, как кот от веника.

– Вот тут давайте свернем, выгадаем два светофора, да, вот здесь, пожалуйста, ага, отлично, спасибо, – Антон всегда суетился в такси, будучи твердо уверен, что лучше него Москву не знает никто.

Он набрал мать. Было занято. Мобильный тоже не отвечал.

Раиса Николаевна дряхлая, но оставалась бойцом. Ходила на оппозиционные митинги, к счастью, вместе с Дашей. Антон был спокоен, что мать не задавят, а Даша, чуя ответственность, не ввяжется ни в какую авантюру. Вытащить ее было бы труднее, чем после Болотной. Возможности, увы, стали совсем не те. И это мучило Антона.

Деньги деньгами, но вопросы решались без него. В некоторые кабинеты не было больше свободного хода. На звонки и письма отвечали лениво.

Маякову хотелось обратно, но дорога пока не просматривалась. Он вылетел из «партийной тележки» и стал не то что даже врагом, но «чужим», которому не очень доверяют. Антон такой был не один: некоторые ранее влиятельные лица огребли куда больше.

Поквитаться с Толей, конечно, хотелось очень сильно: как Папе Карло наказать мятежного Буратино.

Он набрал снова: городской был занят, а мобильный не отвечал.

С Лизой они расстались через две недели после возвращения из Варшавы. Генерал-силовик смог развестись, оставив жене на память о себе долю в обустроенном аграрном комплексе. Лиза собиралась замуж и рвала прежние связи. Вот если бы Антон остался при должности.

Машина остановилась около дома. Маяков расплатился и бросился в подъезд. Хотелось думать, что мать просто заскучала и решила выписать явно занятого какой-то ерундой сына, чтобы обсудить мерзкое поведение российского руководства, которое танками и войсками поддерживало «сепаратистов» против Украины.

И во время майдана, и потом позиция мамы Антона была однозначной. В августе, вернувшись из Черногории чуть раньше обычного – близнецам надо было готовиться к школе, она

достала где-то карту Украины и отмечала на ней победное шествие войск АТО по юго-востоку. В День независимости Украины она, подчинившись мудацкому интернетовскому флешмобу, нарядилась в желтую майку и синюю юбку и в таком виде пошла за продуктами. Разгром украинской армии восприняла трагически.

Раиса Николаевна часто оставляла ключ в двери, тогда в квартиру было бы не попасть. В этот раз повезло.

Мать лежала около кресла. Трубка городского телефона была сброшена на пол, – наверное, она пыталась набрать еще раз. Мобильный валялся на столе.

– Антон, хорошо, что ты подъехал, пойдём, тут рядом остановка автобуса, поедём на нём домой.

– Мама, ты что... – зашептал ошеломленный Антон.

– Автобус часто ходит, я тут в гостях, но пора и домой...

Мать была убедительна, и Маяков не сразу понял, что она бредит. Дрожащими пальцами набрал скорую помощь, ответил на все вопросы, с трудом удерживая себя от крика «приезжайте скорей, что же вы издеваетесь». Положил трубку на аппарат, подошел к матери, погладил ее по голове, сказал, что сейчас вот-вот поедут, только автобус подойдет.

Потом набрал Дашу. Она не отвечала. Антон не сразу вспомнил, что она как-то пообещала не брать трубку ни в каком случае: «Надо – напиши СМС, но подумай: надо ли». Руки у него дрожали, поэтому он взял мобильник матери и нажал на кнопку быстрого набора.

Даша схватила трубку сразу, ответила невольно по-отцовски:

– Бабуль, я сейчас занята, может, через полчаса.

Антон перевел дух:

– Это я, – хотел сказать, что папа, но вспомнил, что слово запрещено, – Антон, у бабушки инфаркт, не вешай трубку, я вызвал скорую, ты нужна.

Даша хмыкнула:

– Надеюсь, это не твоя разводка, чтобы заманить меня к бабушке и выяснить отношения, – последние слова она произнесла немного выпендренно, подражая ранее присущему Маякову тону.

– Послушай, гребаная малолетняя дура, моя мама и твоя бабушка лежит в комнате почти без сознания, скорая, кажется, подъехала, ты мне нужна, тараканов в своем кочане будешь потом давить, а ну давай будь на связи, – Антон говорил тихо и спокойно, но с удивившим его самого напором.

– Я буду через пятнадцать минут, – торопливо ответила Даша.

– Хорошо, – сказал Антон.

В дверь требовательно звонили. Маяков зарысил к входу, попутно вспоминая, сколько с собой наличности. Хотелось надеяться, что тысяча пятьдесят для начала хватит.

Дмитрий Хубариев

(11 ДЕКАБРЯ)

На российские экраны выходит «Хоббит: битва пяти воинств».

Четырехлетний Квака с интересом смотрел за тем, как папа сосредоточенно водит кисточкой по большому листу бумаги. Минут пять назад он пытался принять посильное участие в веселье, но папа, всегда с радостью рисовавший вместе, почему-то в этот раз его отсадил. Квака сначала решил обидеться и заплакать, но потом увлекся наблюдением.

Дима не хотел расстраивать сына, но хорошего ватмана с партийных времен оставалось мало. Просто так, даже на Кваку, потратить его было нельзя.

Партии, собственно говоря, уже не было. Кто-то взял себе свидетельство о регистрации, кто-то кассу, в которой, скорей всего, ничего не было. Дима не хотел мародерствовать, но в

последний момент, перед эвакуацией офиса, нашел два ящика со всем, что было нужно для наглядной агитации. Заметивший его колебания, теперь уже совсем бывший депутат подбодрил его: «Бери, бери, с сыном порисуешь».

Сдулось все за пару лет.

В 2011 году Хубариев с однопартийцами ходил сначала на Болотную, а потом на Сахарова. Соседство либеральчиков, левых и просто дамочек в дорогих шубах его несколько смущало. А когда на втором большом митинге на трибуну вышла Ксения Собчак, Дима и его соратники с удовольствием засвистели и заулюлюкали. Впрочем, в отличие от радикального крыла партии, Дима считал, что люди вокруг в массе своей хорошие, только заблуждающиеся.

На президентских выборах Хубариев записался в наблюдатели и совсем не удивился, зафиксировав на своем участке победу Путина. К нему он по старой памяти относился неплохо.

Игрища кончились в мае на Болотной. Дима сначала толкался с ОМОНОм, потом прорывал оцепление, потом отступал по набережной...

– Как там мой Квака? – Люся не умела ходить бесшумно, но Хубариев так прочно задумался, что не услышал, как открылась дверь.

– Люка, Люка, – радовался Квака, махая рукой Диме, он же Дука.

Прозвища им придумал сын, по родительскому недосмотру не спавший, когда папа с мамой вечером сели пересматривать «Звездные войны». Родители не возражали, новые имена отлично рифмовались с Квакой – это прозвище Костя Хубариев заработал в три месяца.

Дима поставил лист ватмана сушиться, кивнул Люсе, чтобы она не пускала к нему Кваку, и, подхватив телефон, пошел на лестничную площадку. Перед тем как набрать номер, выкурил полсигареты.

– Широпан, добрый день, это Картонин, нет ничего особого не случилось, хотя... тут такое... Я завтра на митинг иду... не, не протеста, даже не митинг, одиночный пикет, нас там несколько будет... не протеста, не политический, но там единоросс гад... Хорошо, по порядку... Мы в жилье на уровне котлована вложились... Да, я и Люся практически все вложили, нам жить тесновато... Ну вот, а застройщик нас кидает, обещали еще в 2013-м, но теперь, кроме котлована, ничего, а он банкротиться решил... Мы уж и письма писали... Спасибо, что понимаете... Вот завтра к его офису на одиночный пикет... никакой политики... да, конечно, подумайте... ага... Нет, Квака нормально, ноги почти в норме... занимаемся... Как раз почему жилье нужно... ему бы стенку для занятий... (Смеется.) Понимаю, что к стенке всегда успеем... Да, очень... спасибо... мы там без шума... Спасибо, что понимаете: мы правда без политики... Человека пришлете? Спасибо... главное, чтобы не ОМОН... А письмо потом писать? Позвонить? Хорошо, хорошо, спасибо, до завтра, ой, что я – позвоню, и вы всегда звоните.

Закончив разговор, Дима закурил, как выяснилось, уже третью сигарету.

Летом 2012 года, когда он сидел дома и приводил в порядок несколько запущенный из-за революционных дел кинологический форум, посетитель под ником Широпан очень убедительно попросил о встрече.

Полковник расследовал «попытки свержения конституционного строя», осуществляемые в том числе и партией, в которой активничал Дима. Подстрекательство к мятежу, участие в массовых беспорядках и драка с омонцем (что ты там носишь в портфеле, как ты этого гавкнул по кумполу, по портфелю тебя и вычислили) тянули на срок. По городу прошли первые аресты.

Полковнику, впрочем, совсем не хотелось, чтобы такой хороший человек стал бы подследственным и уж тем более осужденным. Гражданину Хубариеву предлагалось подписать ничего не обязывающую бумагу о сотрудничестве. Тем более что, – тут товарищ полковник

перешел уж совсем на доверительный тон, – такие бумаги подписали уже многие оппозиционеры, в том числе и в больших антиправительственных чинах.

Полуторагодовалый Квака то и дело болел, Люся одна бы не справилась. Бежать было некуда. Защиты от очевидно бестолковых товарищей по партии ждать не стоило. Дима подписал бумагу, получил агентурную кличку.

И ничего не случилось. Их партию зарегистрировали без всякого, надо сказать, толку. Дима ходил на собрания и оппозиционные митинги, но делал это, скорее, по инерции. И нарываться не стоило, и поводов для протеста, с точки зрения Хубариева, становилось все меньше. После каждого мероприятия он писал докладную. Пару раз закашивал и митинги, и объяснительные, мотивируя болезнью Кваки.

Полковник сочувствовал и даже помог с врачами для ребенка.

Присоединение Крыма Хубариев приветствовал изо всех сил. О чем и сказал согласному с ним Широпану.

Как раз в этот момент партия рассосалась совсем, и полковник велел, не теряя связи, заниматься своими делами.

Так оно и было целых полгода. Но теперь Дима решил подстраховаться.

Беседы с Широпаном не приносили радости, но Квака и Люка без Дуки бы никак не обошлись.

Первый тайм

2002 ГОД

Владимир Путин объявил о завершении военной стадии операции в Чечне.

Россия проиграла в четвертьфинале олимпийского турнира по хоккею.

Состоялся чемпионат мира по футболу в Японии и Южной Корее, сборная России не вышла из группы, считавшейся до начала турнира самой простой.

Выходят фильмы: «Властелин колец: Две крепости», «Одиннадцать друзей Оушена», «Любовник», «Гарри Поттер и тайная комната», «Шпионские игры», «Антикиллер».

Станислав Линькович

(РОССИЯ – БЕЛЬГИЯ, 2:3)

«Мы себе давали слово, не бухать до полвосьмого», – совсем тихо мурлыкнул себе под нос Стас, глядя, как весело смеется одутловатый мужчина на весь экран большого телевизора. Через мгновение тот же экран показал двух футболистов, совсем еще мальчишек: один плакал, другой, чуть постарше, его утешал.

– А кто второй? – шепотом спросил Линьковича сосед справа.

– Кержаков, – так же в восьмушку голоса ответил тот.

Про первого все было ясно: Дмитрий Сычев, надежда сборной и московского «Спартак».

Вопреки усилиям за главным столом обмен репликами, кажется, услышали. Стасу показалось, что Федор Петрович, председатель правления банка, неодобрительно покосился в их сторону.

Кабинет самым неравным образом был разделен на две части. В большей располагался стол для членов правления, рядом баловал глаз заполненный бокалами и бутылками сервировочный столик. Прямо перед конструкцией вольготно расположилась огромная плазма.

В меньшей части выставили стулья для приглашенных сотрудников. Посмотреть в дальнюю приглядку матч вместе с членами правления считалось великой честью. Эмоции полагалось проявлять в унисон с главным столом: смеялись там – хохотали и в людской. За пять минут до конца матча, когда Россия забила важный гол, один из членов правления скакнул около стола, несколько его непосредственных подчиненных тут же почтительно, не слезая со стульев, повторили его движения.

Идиотские посиделки в одной комнате наладил зачем-то взятый на работу в банк специалист по HR. Кто это и чем хорош, так никто и не понял. Ходил, светил бритым черепом, все время пошучивал, как правило, не смешно. Одной из идей весельчака и балагура Миши было совместное проведение досуга руководства и сотрудников. Как шептались в банке, сделано это, чтобы начальники своих девок вывозили на природу в составе большой группы, а то жены заподозрят.

HR-директора уволили за неделю до начала чемпионата мира. Творческое наследие сразу изжить не получилось. Страдали все.

Стас был даже рад, что чемпионат мира для сборной России закончился. Бар, расположенный наискосок от входа в банк, нравился ему куда больше – хозяева сориентировались и подавали к ранним матчам недурные завтраки.

– Ну что, господа, нам пора поработать, да и вы, пожалуй, потрудитесь хоть немного бы, – подвел итоги выступления сборной России на чемпионате мира в Японии Федор Петрович.

Людская резво двинулась к выходу. Скорость, однако, получилась совсем невысокой: участники просмотра пятились задом, не решаясь показать спину членам правления. Чтобы не давиться со всеми, Стас только привстал с места.

Он офигевал от банковских порядков. Низший боялся высшего, а тот, в свою очередь, – высочайшего. Страх по вертикали усугублялся ненавистью по горизонтали. Люди зарабатывали не деньги, а преференции по службе. Взаимные подставы были нормой жизни.

Стас считал первый опыт работы в большой структуре явно неудачным. Ни друзей, ни перспектив, ни серьезных прибылей.

Платили негусто, правда, регулярно: 4-го – аванс, 19-го – основная часть. В конце года обещали премию, впервые за пять лет. Стас даже и думать не хотел о том, что начнется в банке месяца за три ее начисления.

Около дверей всплеснулся говор. Два опытных в банковских церемониях сотрудника пятились, пятились и столкнулись. Один из них вполголоса матюгнулся и тут же обмер от невольной дерзости.

Члены правления внимательно и немного гневно посмотрели на толпень около дверей, а потом один из них обратил внимание на человека поодаль.

– А у вас дел, что ли, нет? – ехидно поинтересовался небожитель.

Стас выругался про себя. Член правления Константин Николаевич Косиевский славился поганым характером. Линькович это знал отлично.

Судьба сводила их три года назад в споре о некоей консервной фабрике, продукция которой оказалась страшно востребованной как раз после дефолта. Отжимали ее другие люди, а Стас только готовил заключение для суда и хорошо помнил истерику бывшего вице-губернатора, оставленного без собственности и денег.

Линькович искренне надеялся в правдивость слуха о хреновой памяти гнойного небожителя на лица.

– Ну, я вижу, вы мечтатель, так вот нам такие... – продолжил Косиевский.

– Да подожди ты, Константин, – прервал его член правления Тимичев. – Подойдите сюда, мы на вас кое-какие мысли свои проверим.

Линькович приблизился к столу.

– Вот ты скажи, парень, может, стоило Кержакова на поле выпустить сразу? Может, повеселей бы дело пошло?

Стас не растерялся:

– И его надо было, и Аршавина в сборную взять, нашлось бы место на поле.

Тимичев приехал из Питера. Это в банке знали все, но Стас однажды невольно подслушал телефонный разговор члена правления – он вспоминал с каким-то старым знакомым, как «надергались в 1984 году по случаю чемпионата».

Ставка сработала. Тимичев и правда болел за «Зенит».

– Вот молодой-молодой, а понимает в футболе, – обратился сразу подобревший член правления к Федору Петровичу.

Тот скептически хмыкнул:

– Твой Аршавин в школу поступил, в которой Мостовой преподавал, садись, юноша, про футбол поговорим.

От двери, где все еще толпились остальные участники просмотра, донеслись ненавидящие и тоскливые стоны.

Следующие полчаса члены правления и Стас провели в оживленной беседе о российском и международном футболе. Даже и стакан виски новичку дали, из которого он очень осторожно прихлебывал.

Недовольный рухнувшей субординацией Косиевский несколько неприятных минут пристально всматривался в лицо Линьковича. Тут Стас мысленно поблагодарил жену. Она через

месяц после свадьбы настояла, чтобы муж отрастил усы. Сегодня они наконец оказались кстати – Косиевский явно его не узнал.

Когда секретарша принесла несколько листочков бумажки – ровно по числу членов правления – Стас понял, что это обеденное меню, шей на него не наварили и пора валить. Он называл это рейдерским чутьем, но свойство убирать задницу вовремя проявилось еще до того, как страна узнала про ваучеры. «Жаль не семейный талант, не передался из поколения в поколение», – почему-то вспомнил об отце Линькович, вежливо прощаясь с правлением.

Остаться не попросили, видать, котлеток авторского приготовления и правда было считано.

Рабочий день продолжился и закончился как-то ни о чем. Коллеги Стаса требовательно попытали о том, как и зачем его задержали начальники. В честный ответ никто не поверил.

К вечеру позвонила Карина, чтобы продиктовать список продуктов. Еще в начале совместной жизни Стас попытался поспорить о том, что именно и как именно надо покупать, пережил средней руки скандал и зарекся перечить. Все бы было ничего, но именно сегодня после работы Линьковичу предстояло заплатить квартирной хозяйке. Обе траты были запланированы, но вот улегшийся с самого утра в портфель диск с новой версией ФИФА – нет. Предстояло или найти недостающую сумму, или убедить хозяйку в том, что он сегодня очень занят и приедет завтра.

Последнее на самом деле было невозможно.

Вопрос о месте для свиданий встал практически сразу после того, как Стас начал ухаживать за Мариной. Почти сразу он перерос в вопрос – где жить. У родителей Линьковича – не вариант, особенно с учетом всех медицинских обстоятельств. У родителей Марины тем более. Жилье нашлось рядом с метро «Автозаводская». Место выбрали, потому что Марине было по прямой до работы на «Павелецкой», однокомнатная – потому что только на это хватало денег, сталинский дом – потому что так получилось.

Квартирная хозяйка, дочь секретного академика, получила в наследство только привычку к ежедневному употреблению хорошего коньяка и две квартиры: трехкомнатную у метро «Университет» и вот эту на «Автозаводской». Сдавала она обе, сама жила в Подмосковье на папиной даче и аккуратно пьянствовала вместе с сожителем. Его Стас видел только один раз – к бизнесу дочь академика никого не подпускала ни на секунду и с квартирантами старалась не знакомить.

За выплатами она следила плотно и просьбу об отсрочке воспринимала как оскорбление.

Переезжать было не на что, к тому же Карина потратила кучу денег на благоустройство. Разговор о смене квартиры неизбежно привел бы к долгой дискуссии об отсутствии денег и перспектив. Стас хорошо помнил, как осенью прошлого года он не соглашался купить дорогие билеты на концерт «Депеш Мод». Разъяренная Карина уехала с частью вещей к родителям – вызволение ее оттуда обошлось дороже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.